

СЕМЬЯ НЕМЦЕВ-ХУДОЖНИКОВ В РОССИИ

(Извлечение)

<...>

Вращаясь в Петербурге в разнообразнейших светских и деловых кружках, Карл фон Кюгельхен неоднократно встречался и постепенно сблизился с пензенским откупщиком, Василием Алексеевичем Злобиным.

Русская сметка и счастье превратили безвестного мещанина г. Вольска в крупного по тому времени богача: он сам признавался, что в день наживает по тысяче рублей. Даже всегда недоброжелательные воспоминания желчного Вигеля рисуют Злобина личностью далеко незаурядной.

«Старик Злобин, — рассказывает он, был типичным русским мужиком. Человек добрый и хитрый, он сохранил поступь и поговорки, одежду и бороду первобытного своего состояния. Никогда не искал Злобин чинов, хотя за ними все тогда гонялись, и довольствовался званием именитого гражданина. С золотой медалью, осыпанной алмазами, появлялся он и во дворце и в петербургских гостиных. Пол жизни проведя в Петербурге, он в столице жил, как на ночлеге, не обзаводясь ни домом, ни дачей. С видом простодушным, откровенным, в смелых будто бы выражениях, он и знатных бояр и случайных людей улещивал, всех задабривал, но вместе с тем широко пользовался своими связями, чтобы хлопотать бескорыстно за посторонних ему людей и многочисленным своим клиентам когда выпрашивал, когда вымаливал, когда вымучивал разные милости. Правда, своей услужливостью и доброхотством Злобин и ставил себе везде

подпоры и распространил о себе славу, которая, возвращаясь к своему началу, возвышала его в глазах тех самых, коим он ею был обязан».

Значение В.А. Злобина особенно возросло в петербургском обществе, когда он породнился с всеильным Сперанским. Сын Злобина, «не совсем похожий на отца своего, с большой образованностью, но не светской, лицом печальным и нравом угрюмым», пленился меньшей сестрой умершей жены Сперанского, мисс Стивенс, а старик Злобин, в коем «суеты петербургской жизни изгладили следы староверства, в коем он родился», конечно, браку этому не воспротивился, потому что вступить в свойство с таким светилом, как Сперанский, ему могло только льстить¹.

С таким-то тузом свела судьба К. фон Кюгельхена и доставила ему не один выгодный заказ, так как Злобин, построив каменные палаты в Вольске и разведя там сады, ежегодно посылал в свое имение из столицы разные драгоценности, покупал мебель, бронзу и картины и мечтал окончательно водвориться на родине.

«Злобин, — рассказывает Конст. Карл. фон Кюгельхен², — совсем влюбился в моего отца и убедил его переселиться в саратовское имение, где сулил отцу завидное положение». Злобин тогда носился с широкой затеей — создать в южной России новый рассадник просвещения. В Вольске имели процветать новые Афины. Окружив себя избранным обществом художников и ученых, он им платил крупное содержание из собственного кармана. Вольские художники рисовали, ученые что-то изучали — и все обстояло прекрасно.

14 февраля 1808 г. Карл фон Кюгельхен, уведомляя брата о приглашении его Злобиным в Вольск, уговаривал Гергарда пуститься на эту авантюру.

«О твоём путешествии в Вольск я суждения составить не могу, — отвечал Гергард брату 7 ноября 1808 г., — но могу только скорбеть, что нас разделит еще большее расстояние. Впрочем, мы с тобой еще настолько молоды, что можем братья за новые предприятия, в напряженной деятельности примиряясь даже и с лишениями».

¹ Ф.Ф. Вигель. Воспоминания. М. 1866. Часть II. Стр. 21-22.

² Konst. von Kügelchen. Erinnerungen. Стр. 2.

Возвращаясь к той же теме в письме от января 1809 г. Гергард писал Карлу: «Я не могу порицать тебя за то, что ты отправился в Вольск, но последовать туда за тобой не решусь. Ты считаешь меня настолько состоятельным, что предлагаешь мне на собственный страх переселиться в Вольск. Но с какой стати мне ставить свою судьбу в зависимость от единичной личности, да при этом с легким еще сердцем затрачивать собственные средства, которые обеспечивают мне независимость? Вольск мог бы представить для меня интерес в том только случае, если бы я заручился там прочно договоренным жалованьем и не знал бы других забот, кроме собственной студии»³.

Вместо брата с семьей К. фон Кюгельхена по вызову Злобина в Вольск отправился зять обоих Кюгельхенов, барон Генрих Цеге фон Мантейффель. Получил барон незаурядное по тому времени образование в Германии и Франции, знал превосходно иностранные языки, в качестве ученика знаменитого Вестриса чудно танцевал, играл на всевозможных инструментах и был прирожденным капельмейстером. В Эстляндии барон, обладавший красивой наружностью, гостя в Пюсе у барона Крюденера, привлек внимание Félicité Neff, молоденькой парижанки, выписанной из-за границы для французской болтовни с детьми. Завязавшийся между молодыми людьми роман возымел естественные последствия. Мантейффель, увлеченный разительной привлекательностью Félicité, не прочь был прикрыть грех законным браком, но отец его решительно восстал против такой затеи.

Молодые люди успокоились на сожительстве вне брака, и, рассорившись с отцом, Генрих с восторгом ухватился за приглашение Злобина и уехал в Вольск. «Тут недоверие (старого барона Мантейффеля) к француженке не замедлило найти себе оправдание. Вследствие ли тоски по belle France или по иной причине, красавица Félicité кинула возлюбленного, а, кстати, и ребенка, и вернулась назад на родину с освобожденным из плена графом Сегюром. Генрих Мантейффель и Карл Кюгельхен приняли брошенного матерью младенца на свое попечение; в доме Карла

³ Н.М. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 152, 153.

Кюгельхена он воспитывался и обучался рисованию, потом был пригрит семьей Гергарда Кюгельхена в Дрездене и, наконец, превратился в знаменитого художника Неффа, тайного советника, профессора, придворного живописца и директора императорского эрмитажа»⁴. Живя в Вольске, Карл фон Кюгельхен вверился окончательно В.А. Злобину и передал в его распоряжение часть капитала Гергарда фон Кюгельхена, которую ему удалось получить от тестя, старого барона Мантейффеля. Условия сделки и Гергарду казались настолько выгодными, что он от 10 октября 1809 г. выражал брату и Злобину признательность за заботы о его интересах и поднес даже Злобину в дар две миниатюры с изображением Агнессы Сорель и короля Карла VII.⁵

Вместе с тем Гергард сообщил брату, что для галереи Злобина им готовятся семь картин на религиозные сюжеты. Впрочем, позднее, когда дела Злобина зашатались, Гергард предпочел одну из нарисованных для Злобина картин — «Благовещение», продать королю Прусскому (письмо от 14 января 1811 г.).

Падение Сперанского, надвигавшаяся на Россию война с Наполеоном и экономические потрясения, вызванные континентальной системой в связи с денежным кризисом, отразилась на делах Злобина и привели его к разорению.

Вольские Афины подверглись ликвидации, а художники и ученые, жившие на иждивении российского мецената, оказались не у дел. С большими затруднениями в разное время выручил Карл Кюгельхен от Злобина деньги, принадлежавшие ему лично, и капитал, вверенный ему для оборотов его братом Гергардом. «Мой отец не знал, что предпринять с деньгами, — говорит Константин Кюгельхен. — Тут его черт попутал пуститься в спекуляцию. Заводчик Мауль, не обладавший, как впоследствии оказалось, знаниями, но зато убедительно певший медовые речи, вкрался в доверие отца. В то время царил континентальная система, на колониальные продукты стояли цены очень высокие, а в Саратовской губернии на черноземе свекловица сулила прекрасные

⁴ Konst. von Kügelchen. Erinnerungen aus meinen Leben. Стр. 4, 13, 14.

⁵ H.M. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 165.

сборы, и вот мой отец пустился в промышленность, под руководством Мауля затеяна была постройка свеклосахарного завода, и мы переселились из Вольска в немецкую колонию Антон, близ Сарепты. Дядя Генрих уехал в Эстляндию, а над моими родителями не замедлила разразиться катастрофа. В настоящее время свеклосахарное производство является прибыльным делом, но в ту пору оно находилось в младенчестве. Мауль оказался круглым невеждой, да и отец, несмотря на свою светлую голову, ничего в этом деле не понимал. Коротко сказать, производство завода, кроме убытков, ничего не приносило, и бедный отец должен был, наконец, прийти к заключению, что его состояние и капитал его брата, который он рассчитывал выгодно поместить, безвозвратно потеряны. Отказавшись от дальнейших спекуляций, отец имел благоразумие вернуться назад к художеству»⁶.

В июне 1815 г. по этому поводу Карл фон Кюгельхен писал Гергарду: « Я неохотно пишу тебе, не имея сообщить тебе ничего утешительного (тут следует описание неурожая вследствие засухи, болезни, постигшей Карла, и разных невзгод). Я хочу от завода отделаться, хотя бы ценою потери всего личного состояния и оставляя на себе долги. Семью я отвезу в Эстляндию, где теща ее, конечно, приютит, и примусь опять за рисование без забот и в уверенности, что смогу воспитать детей и оставить им кусок хлеба. Хотелось бы мне еще по зиме уплатить тебе часть долга. Ах, если бы нам только удалось вместе поселиться! Если вспомнишь, что во Франции масса людей перетерпела и утратила за революцию, можно сказать, что мы еще дешево отделались. Мы с тобой вовсе не так еще стары, чтобы не начать сызнова устройство будущего»⁷.

Милость государя сохранила за Карлом Кюгельхеном содержание придворного живописца, и он продолжал и в Сарептской колонии работать, когда улучал для этого время среди материальных передрыг. «Талант мой не из обыкновенных, — писал он, — и петербургские академики признают меня за лучшего из ныне живущих пейзажистов».

⁶ Konst. von Kügelchen. Erinnerungen. Стр. 4, 15.

⁷ Н.М. von Kügelchen. Loc. cit., p. 215.

«Пусть я и заслужил укоры от людей, а особенно от твоей семьи (вследствие незадач с сахарным заводом), тем не менее, я почитаю свой удел счастливым. Хотя я ни на что жаловаться не смею, так как небеса даруют мне разумное осуществление человеческих желаний, но временами тоскую по родине и родне и сам себе представляюсь настолько заброшенным здесь, на границе Азии, что теряю почву под ногами».

Почвы у него действительно в это тяжелое время не было, и он даже принужден был обратиться за помощью к тестю, чтобы выбраться, наконец, из Саратовской губернии.⁸

<...>

В. Ш.

Исторический вестник. Историко-литературный журнал. — СПб, 1906, Год 27-й, кн. 7 (июль), с. 200-204.

⁸ Н.М. von Kügelchen. Loc. cit., p. 211. Konst. von Kügelchen. Erinnerungen. Стр. 15.